

— Хочешь с автографом? — спросил Синчэнь, появляясь на пороге ванной. — Если нужно, когда этот пацан заглянет в следующий раз, я попрошу его подписать экземпляр для тебя.

На полке красовался ряд новеньких печатных томов манги в подарочном оформлении, и ни на одном из них подписи автора не было.

Е Мянью небрежно вернул книгу на место и обернулся к хозяину студии:

— Не надо.

Взглянув на него, Е Мянью на секунду оторопел. Гладко выбритый и причёсанный Синчэнь мгновенно избавился от своего привычного амплуа неряшливого дядьки. Надень он сейчас очки — сошёл бы за преуспевающего юриста или топ-менеджера. Черты лица у него были правильными, мужественными и даже благородными, но стоило ему открыть рот, как вся эта солидность мгновенно улетучивалась.

— Пошли, поедим, — скомандовал Синчэнь, сгребая со стола вещи, и направился к выходу.

— А? — Е Мянью недоуменно взглянул.

Он-то думал, что Синчэнь вышел наконец дать ему контакты этого Ланьтяня, а тот вдруг потащил его обедать.

— Парень, твой босс маковой росинки во рту не держал со вчерашнего вечера, помираю с голоду, — заворчал Синчэнь. — Все дела у нас, китайцев, решаются за накрытым столом. Ты что, таких элементарных вещей не знаешь? И не забудь налить мне пива и сказать приличный тост.

Е Мянью лишь промолчал и последовал за ним.

Синчэнь притормозил у двери и несколько секунд внимательно разглядывал юношу, после чего со вздохом покачал головой. Нет, этот парень явно не из тех пройдох, что умеют крутиться в обществе. Впрочем, откуда взяться житейской хватке в его-то годы? Рано ещё мерить его мерками взрослого мира.

Хотя... был тут один экземпляр. Настоящий чертёнок во плоти. Ровесник Е Мянью, а хитёр так, что палец в рот не клади. Из-за этой его изворотливости Синчэнь, номинальный босс, в какой-то момент сам не заметил, как оказался у него под каблуком. Никакого авторитета у начальника не осталось. Хорошо хоть этот новенький кажется нормальным парнем.

Они спустились на первый этаж и зашли в местный ресторанчик китайской кухни с довольно приличным интерьером. Официанты сразу узнали Синчэня. Ещё когда Е Мянью только расспрашивал дорогу к студии изображений «Гармония X», несколько сотрудников обратили

на него внимание, и теперь их появление вместе вызвало на лицах персонала лёгкое удивление. Особенно изумился тот самый парень, который подсказал Е Мяню дорогу.

Он же взялся их обслуживать: подкатил тележку, убрал со стола песочные часы, отсчитывающие время подачи блюд, и принялся расставлять тарелки. Откупорив бутылку пива, официант помедлил и, не удержавшись от любопытства, негромко спросил у Е Мяня:

— Слушай, а ты знаешь Ланьтяня?

«Выйди на улицу и подними глаза — вот тебе и Ланьтянь, голубое небо», — мысленно хмыкнул Е Мянъ, прекрасно понимая, что речь идёт вовсе не о небесном своде.

— Без понятия, — вслух ответил он. — С чего ты взял, что мы знакомы?

Официант разочарованно покачал головой:

— Да так... Показалось, что вы из одного круга.

С этими словами он покатил тележку обратно к кухне.

— Босс, Ланьтянь ведь работает у тебя в студии? — спросил Е Мянъ, проводив парня взглядом.
— Этот официант, похоже, его преданный читатель. Чего ты промолчал? Мог бы подарить ему томик с автографом.

По глазам парня было видно, как сильно он мечтает хоть краем глаза повидать загадочного автора.

Синчэнь тяжело вздохнул, явно не зная, как подступиться к этой теме:

— Этот малый вовсе не фанат Ланьтяня.

— Вот как, — отозвался Е Мянъ.

— Вот рабочий вичат Ланьтяня, добавь его, — Синчэнь протянул телефон. — Всеми гонорарами теперь заправляет он. Если задержит выплату, я шепну тебе его домашний адрес — съездишь и хорошенько намнёшь ему бока.

Е Мянъ тактично промолчал. Неужели он производит впечатление человека, готового решать вопросы кулаками?

— погоди секунду, — сказал он.

Откинувшись на спинку стула, Е Мянй достал свой мобильник, вышел из старой учётной записи и принялся регистрировать новый аккаунт на только что купленную сим-карту. Затем пришло время привязывать банковскую карту. Процесс затянулся: древний аппарат намертво завис на этапе проверки данных.

Минут пять Е Мянй ожесточённо тыкал пальцем в несчастный экран, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Хотелось швырнуть этот кусок пластика об стену. Что за дурацкая жестянка! Стоило нажать чуть быстрее, как телефон обиделся и напрочь перестал реагировать.

Плюнув на бесполезные попытки, Е Мянй налил себе пива и залпом осушил стакан.

— Скинь его контакты мне на почту, — устало вздохнул он. — На ту самую, с которой я отправлял тебе работы.

Синчэнь забрал свой телефон со стола:

— Идёт. Я отправлю тебе его рабочий ID и все инструкции. А теперь давай без деловых разговоров, ладно? Еда стынет, а я голоден как волк.

Не дожидаясь вежливых приглашений, хозяин студии накинулся на принесённые блюда. Е Мянй, плотно позавтракавший всего три часа назад, голода не испытывал. Но сидеть сычом напротив жующего босса было неловко, поэтому он зачерпнул себе немного супа.

Стоило ему вспомнить, куда предстоит отправиться после этого обеда, как на душе снова заскребли кошки. Аппетит пропал окончательно.

Е Мянй лениво потягивал пиво и ковырял ложкой в тарелке, пока в голове навязчиво крутилось имя Ланьтяня. Любопытство всё же взяло верх. Когда Синчэнь наконец отставил пустую пиалу, Е Мянй спросил:

— И всё-таки, что он за человек, этот твой Ланьтянь?

Раз уж они ровесники, а тот уже ворочает такими делами, то парень явно непрост. Похоже, мир действительно полон скрытых гениев.

— А, этот... — Синчэнь допил остатки тёплого пива прямо из горлышка. — Псих ненормальный.

— В смысле? — Е Мянй удивился.

— В прямом, — подтвердил Синчэнь. — Хоть вы и одногодки, характер у него — врагу не пожелаешь. Зато готовит потрясающе. Ну а как рисует — сам видел, работы говорят за себя. В

общем-то, парень он неплохой, просто эгоцентрик до мозга костей. Каплю душевного тепла из него выбить можно, но только если ты ему искренне симпатичен. При этом башка у него варит дай бог каждому...

Синчэнь на секунду замолчал, лениво орудуя зубочисткой, а затем добавил:

— Хотя вы, нынешняя молодёжь, все на один лад. Зациклены исключительно на себе. Вот смотрю я на тебя — и вижу примерно ту же картину.

«С чего бы это мы похожи?» — раздражённо подумал Е Мян. Они едва знакомы, перекинулись парой дежурных фраз, а этот тип уже делает глубокомысленные выводы о его эгоцентризме.

Е Мян терпеть не мог, когда посторонние пытались давать ему оценку. Его бесило это в любых проявлениях.

У каждого ведь свои обстоятельства, свои семейные драмы, свои шрамы на душе. Но люди упорно лезут со своим уставом в чужой монастырь, торопливо вешая ярлыки. Если ты вписываешься в их рамки — тебя принимают. Не вписываешься — выплёвывают, смешивают с грязью, травят при каждом удобном случае.

И это ещё ладно, мелочи. Настоящие беды ломают человека, заставляя выживать на пределе возможностей, в вечной тревоге и страхе.

Чэн Лян вышел из аптеки и, придерживая покалеченную руку, прислонился спиной к стене.

— Парень, тебе помочь?

Он нехотя поднял глаза. Перед ним стояла девушка лет двадцати с рюкзаком на плечах.

— Нет, — выдавил он хриплым, пересохшим голосом. Опустив взгляд, Чэн Лян с трудом выпрямился, перехватил пакет с лекарствами и пошёл дальше.

Палящее летнее солнце выжимало последние соки, начисто лишая воли. На оживлённом перекрёстке бурлил непрерывный поток машин, а мимо то и дело со свистом проносились юркие жёлтые велосипеды, зажимая Чэн Ляна в тиски.

Пешеходный переход казался нескончаемым. Зелёный свет уже начал мигать, а он успел доползти лишь до половины. Превозмогая тупую боль, Чэн Лян побежал.

Оказавшись на тротуаре, он остановился, судорожно глотая ртом воздух. Совсем недавно он мысленно посмеивался над тем хлипким пацаном, у которого пошла кровь из носа после обычного прыжка с забора. Теперь же сам задыхался после короткой пробежки. Похоже, он

оказался ещё слабее.

Экран телефона в очередной раз мигнул и погас. Чэн Лян попробовал его включить, потом перезагрузить — тщетно. Он уже сбрасывал настройки до заводских, но реанимировать покойника не удавалось.

«Ладно, придётся купить новый», — решил он. Денег с последнего заказа на иллюстрации как раз должно было хватить, а остатки он отложит. Завтра нужно обязательно съездить на участок, который он сдавал в аренду — подошёл срок забирать плату за три месяца. Заодно стоит нанять кого-нибудь прибраться в яблоневом саду. Но главное, конечно, крыша. Она безбожно протекала, и первого же приличного летнего ливня старый дом просто не выдержит.

Восточный двор

За то время, что его здесь не было, в элитном жилом квартале Биньяна полностью сменилась охрана. Е Мянэ окинул взглядом КПП — ни одного знакомого лица.

Раньше ему достаточно было просто кивнуть на входе, а теперь пришлось уныло торчать в будке дежурного, пока тот созванивался с хозяевами дома и запрашивал разрешение на пропуск. Не будь у него острой необходимости забрать свои вещи, он под дулом пистолета не вернулся бы сюда — в место, где прошло его детство. Сейчас каждый знакомый поворот казался ему изощрённой насмешкой.

Он шёл размашистым, быстрым шагом. Раньше, возвращаясь из школы, он всегда плёлся еле-еле: то с друзьями задержится, то просто круги нарежает, лишь бы не приходить домой до наступления темноты. Кое-что в здешней планировке успели переделать, но у Е Мянэ не было ни малейшего желания рассматривать обновлённые газоны и детские площадки. Всё его существо бунтовало против этого визита, тело сковывало глухое напряжение, и хотелось лишь одного — поскорее убраться отсюда.

— Е Мянэ! Ну наконец-то, заходи скорее! — раздался нежный женский голос. — Обед уже на столе. Я попросила тётушку Линь приготовить твои любимые блюда. Отец тоже дома, ждёт тебя в гостиной.

Е Мянэ замер у крыльца, разглядывая стоявшую перед ним женщину.

На ней было лёгкое цветочное платье, длинные волосы небрежно присобраны на макушке, а на лице сияла приветливая улыбка. Мачеха была действительно очень красива — утончённая, молодая, с мягким, убаюкивающим голосом.

Из-за её подола робко выглядывал мальчик лет четырех. Цепляясь крошечными ручонками за

мамину ногу, он с любопытством разглядывал незваного гостя.

Е Мянэ не ожидал столкнуться с ней прямо у порога. Неужели она караулила его здесь после того, как узнала о его звонке отцу?

«Какое трогательное семейное единение», — мысленно усмехнулся он.

Женщина мягко подтолкнула малыша вперёд:

— Ну же, поздоровайся с братиком.

Мальчик в бело-голубом комбинезончике, невероятно милый и забавный, робко пискнул:

— Братик... — и тут же попятился назад, прячась за широкую юбку.

Е Мянэ проигнорировал приветствие. Нахмурившись, он молча обогнул их и шагнул в распахнутые двери из лакированного красного дерева.

— Соизволил-таки навестить родное гнездо? — раздался густой мужской голос из глубины гостиной.

Сидящий на кожаном диване мужчина опустил газету и требовательно уставился на сына.

— Угу, — безучастно бросил Е Мянэ и направился напрямик к лестнице.

— Что за тон? — нахмурился Е Чжэнцин. — Год болтался чёрт знает где, вернулся домой и даже поздороваться нормально не можешь?

Е Мянэ остановился у первой ступени, через силу обернулся и выдавил:

— Привет, пап.

После чего стал подниматься на второй этаж, больше не оглядываясь.

Его старая спальня была раза в три просторнее той конуры, которую он снимал сейчас. Здесь явно регулярно прибирались: Е Мянэ провёл ладонью по лакированной поверхности письменного стола — ни пылинки.

Большинство старых томов манги ему были уже без надобности. Он отобрал лишь несколько самых ценных книг и бережно уложил их в картонную коробку. С каждым новым томиком,

опускавшимся на дно, у него возникал соблазн прихватить ещё парочку. Туда же отправились любимые художественные альбомы и две старые общие фотографии.

В детстве он бредил боевыми роботами, и вся его комната была заставлена коллекционными моделями меха — жутко дорогое удовольствие. Глядя на эти фигурки теперь, Е Мянью ловил себя на единственной мысли: за сколько их можно продать? В этой сфере ценится не новизна, а редкость, и лимитированные серии десятилетней давности сейчас взлетели в цене в несколько раз. Но пластиковые гиганты были слишком громоздкими и тяжёлыми, унести их за один раз не представлялось возможным.

Это его последний визит сюда. Оставлять всё как есть не хотелось. Он отыскал на дне шкафа ещё одну большую коробку, бережно сложил туда всех роботов с полок и запечатал скотчем. Зачем этой пластмассе пылиться на виду в комнате, где больше никто не живёт?

Наконец сборы были окончены. В коробках лежали в основном принадлежности для рисования. За спиной у него висел огромный чехол для гитары. самого инструмента внутри не было — Е Мянью вытащил его, забив освободившееся пространство другими вещами.

Спустившись вниз, Е Мянью застал привычную картину. Тётушка Линь расставляла на столе дымящиеся тарелки, а мачеха крутилась рядом, помогая разносить блюда. Малыш устроился на диване перед телевизором — мультики орали на всю гостиную. Глава семейства по-прежнему сидел неподвижно, уткнувшись в газету, словно внешний шум его ни капли не беспокоил.

«У всех этих "успешных людей" перед едой обязательный ритуал с чтением прессы? — саркастично подумал Е Мянью. — Не надоело строить из себя интеллигентов? За столько времени этот несчастный лист бумаги можно было выучить наизусть».

— А, спустился? Мой руки и за стол, — не глядя произнёс отец.

Точь-в-точь как в старые добрые времена, когда Е Мянью прибежал домой, наигравшись с парнями в баскетбол, или выползал из своей комнаты весь перепачканный углём и красками. Раньше именно отцу всегда доставалась эта дежурная обязанность — загонять его в ванную перед обедом.

Е Мянью стоял, удерживая обеими руками объёмистую коробку, обмотанную прозрачным скотчем, а за его плечами громоздился набитый вещами гитарный чехол.

— Не надо, — покачал он головой. — Я уже поел.

— Стоять! — Е Чжэнцин резко опустил газету. — Ты что, совсем от рук отбился, Е Мянью? Я звоню тебе каждую неделю, прошу заехать домой, а ты хоть раз трубку снял?

Юноша лишь равнодушно усмехнулся, окинув взглядом это благообразное семейство.

Мачеха поспешно подбежала к телевизору, выключила звук и увела притихшего сына в сторону. Видя, что назревает буря, она заговорила своим самым примиряющим тоном:

— Чжэнцин, ну не кипятись. Е Мянь и так редко у нас бывает. Давайте просто сядем за стол и спокойно пообедаем всей семьёй.

Под влиянием её мягкого голоса Е Чжэнцин заметно поостыл, хотя в глазах всё ещё горели искры недовольства.

Женщина перевела кроткий взгляд на Е Мяня:

— Е Мянь, останься на обед, а? Я помню, как ты любишь креветки, сегодня специально сама их приготовила. Прошу тебя, попробуй.

Малыш, осмелев в присутствии родителей, подбежал ближе и заглянул брату в лицо:

— Братик, у нас очень-очень вкусно кормят! Оставайся с нами кушать!

«Какая дешёвая комедия», — Е Мянь мысленно скривился от приторной заботы.

— Извините, но буду предельно откровенен: от вашей стряпни у меня пропадает всякий аппетит.

Женщина поспешно прижала к себе притихшего сына, защищая его от резких слов:

— Е Мянь, Шан-эр не хотел сказать ничего плохого. Он ведь тебя почти не видит и просто рад встрече с братом. Вы с ним на самом деле очень похожи, даже любимый мультик у вас один и тот же — про Винни-Пуха. Когда его не показывают по телевизору, он заставляет меня искать серии в интернете...

— Я пошёл, — Е Мянь перехватил поудобнее коробку, которая из-за обилия тяжёлых альбомов оттягивала руки. Оборвав её излишества на полуслове, он развернулся и зашагал к выходу.

Эта ледяная холодность сына окончательно вывела Е Чжэнцина из себя.

— Да ты, я смотрю, совсем берега попутал, Е Мянь! — взревел отец. — Возмнил, что тебе всё дозволено? Я сказал: сядь и ешь!

Е Чжэнцин всегда отличался буйным нравом, хотя к средним годам немного поутих. Но сейчас,

когда единственный сын, которого он не видел целый год, заявляется только ради того, чтобы забрать барахло, цедит сквозь зубы колкости и уходит, даже не притронувшись к еде... Такого неуважения его гордость вынести не могла.

Отец резко поднялся с дивана, швырнув газету на журнальный столик:

— Е Мянъ, повторяю для особо непонятливых: ты остаёшься на обед! И не забывай, что права на твою опеку всё ещё принадлежат мне. Я пошёл тебе навстречу, позволил съехать, разрешил перевестись в другую школу и не лез в твою жизнь каждый день. Но стоило дать тебе немного свободы, как ты решил, что я тебе больше не указ? Напомнить, что ты мне обещал, когда уходил? Клялся, что будешь навещать нас минимум дважды в месяц!

— А на деле? На звонки не отвечаешь, за весь год носа сюда не показал! Даже на Новый год, когда я хотел собраться всей семьёй и ради этого повёз твою тётю и брата в наш старый загородный дом, ты просто наплевал на всех! Сбежал в интернет-кафе и просидел там всю праздничную ночь! Сейчас начались каникулы, ты наконец соизволил приехать. Я специально взял отгул на работе, отложил все дела — и ради чего? Чтобы посмотреть на твою кислую физиономию? Скажи мне, Е Мянъ, разве я плохой отец? Разве я мало для тебя сделал?

«Да уж, заботливее некуда», — горько усмехнулся про себя Е Мянъ.

«Твой любимый сыночек и так торчит перед тобой круглые сутки, чего тебе ещё надо?» — вертелось на языке, но озвучивать это вслух не хотелось. Е Мянъ безумно устал. Коробка в руках казалась неподъёмной, и стоять вот так, выслушивая нотации с грузом наперевес, было верхом глупости.

Будь на его месте кто-то более практичный, он бы непременно разыграл послушного мальчика и остался. Всё-таки Е Мянъ являлся законным наследником первой очереди, и отец когда-то божился переписать на него большую часть своего состояния. Самым разумным решением было бы подыграть родителю, усыпить его бдительность притворной нежностью и прибрать к рукам наследство. Тогда и наглая мачеха, пробравшаяся в дом через постель, не представляла бы никакой угрозы.

— Е Мянъ, ты ведь прекрасно понимаешь, о чём я, — уже тише, с усталым надрывом заговорил Е Чжэнцин. — Не нужно приплетать сюда прошлые обиды. Шан-эр — твой родной брат. Ошибся тогда я, а не он. Ребёнок ни в чём не виноват. Я ведь тоже не вечен, сын. Мне просто хочется, чтобы вы жили дружно и выросли достойными людьми.

Полуденное солнце за спиной отца немилосердно слепило глаза. Е Мянъ зажмурился.

— Хорошо, я понял, — вздохнул он, идя на вынужденную уступку. Находиться в этой фальшивой атмосфере семейной идиллии дольше пяти минут было выше его сил. — Но сейчас у меня действительно дела. Я приеду в следующем месяце и останусь здесь на несколько дней.

А про себя добавил: «Как раз будет время перетащить оставшиеся вещи, которые сегодня унести не смогу».

Е Чжэнцин заметно расслабился. Он подошёл ближе и с удивлением обнаружил, что за этот год сын незаметно перерос его на целую голову.

Отец по-отцовски похлопал его по плечу:

— Вот и славно. Ты ведь у меня мужчина, а мужчины держат своё слово. Сколько тебя помню, ты никогда не нарушал обещаний.

Немного помолчав, он попытался изобразить на лице тёплую улыбку:

— Если тебе что-то понадобится — сразу говори мне. Я всегда останусь твоим отцом, что бы ни случилось. Сейчас я перечисляю тебе на повседневные расходы не так много, потому что меня нет рядом и я боюсь, что ты спустишь всё на ерунду. Но ты не переживай, основную часть денег я каждый месяц откладываю на твой целевой счёт. Как только тебе исполнится восемнадцать, я передам его в твоё полное распоряжение.

Е Мянью опустил взгляд на свои руки — от долгого напряжения на предплечьях вздулись вены. Аккуратно поставив тяжёлую коробку на паркет, он посмотрел отцу прямо в глаза:

— Я знаю. Того, что есть, мне вполне хватает. Ладно, папа, если мы обо всём договорились, я пойду.

— Да, конечно, — кивнул Е Чжэнцин. — Раз уж у тебя начались каникулы, я закину тебе сегодня немного сверху. Съезди куда-нибудь с друзьями, развлекись как следует.

Е Мянью вновь нагнулся и рывком поднял коробку:

— Не стоит. На улице пекло, ловить там нечего.

Выпрямившись, он добавил:

— До встречи.

На этот раз его никто не стал удерживать. Никто не окликнул его вдогонку, когда он переступил порог. Е Мянью наконец-то покинул этот дом, унося с собой частичку своего прошлого.

<http://bllate.org/book/18333/1820020>